

УДК УДК 81'1:82.09

DOI 10.26456/vtfilol/2022.1.177

**«ПРЕДИСЛОВНЫЙ РАССКАЗ» М. ЦВЕТАЕВОЙ:
«СТИХИ К ЧЕХИИ» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – Б. ПАСТЕРНАК**

А. А. Дударева, В. Н. Ерохин

Тверской государственный университет, г. Тверь

Статья посвящена анализу лексических, семантических и образных параллелей, а также повторов художественных приемов в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, «Стихах к Чехии» М. И. Цветаевой и «Докторе Живаго» Б. Л. Пастернака. Взгляд на литературу как на некий единый текст, в котором произведения связаны как реплики в диалоге, позволяет формально и четко выделить связующие элементы на разных уровнях организации текстов и проследить их диахронические трансформации. Данная статья представляет собой локальный пример осмысления и развития идей богоборчества и смерти в творчестве этих трех авторов и в русской литературе в целом.

Ключевые слова: русский язык и литература, лексикология, семасиология, этимология, поэтика.

Поэтический текст – особенный текст. Иосиф Бродский так расценивал его сущность и технику: «Поэзия – это не лучшие слова в лучшем порядке, это – высшая форма существования языка. Чисто технически, конечно, она сводится к размещению слов <...> в наиболее эффективной последовательности. В идеале же – это именно отрицание языком своей массы и законов тяготения, это устремление языка вверх – или в сторону к тому началу, в котором было слово» [1, с. 65–66].

Художественная речь (стихотворная и лирическая, прозаическая и повествовательная) зиждется на смысловом параллелизме, который выражается за счет структурных повторов. В творчестве Марины Цветаевой структурный повтор играет основную роль в семантической организации смысла слов, образов, текста в целом. В этом аспекте весьма показателен ее цикл «Стихи к Чехии» и, в частности, стихотворение «О слезы на глазах!». Ирма Кудрова называет это стихотворение «последним поэтическим шедевром» Цветаевой: «Стихи еще будут, но шедевр – последний» [4, с. 148].

О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

© Дударева А. А., Ерохин В. Н., 2022

О черная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по течению спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ [10, с. 652–653].

Это стихотворение неоднократно становилось объектом исследований. Оно анализировалось Ю.М. Лотманом, Л.В. Зубовой, И. Кудровой, другими филологами.

Описывая ключевые слова в поэзии М. Цветаевой – существительное *верста* и глагол *быть* – Л.В. Зубова акцентирует внимание на центральной идее стихотворения – невозможности бытия поэта в антибожеском мире [3, с. 233–234].

Анализ образов, связанных с материальной природой «я», отказывающегося от бытия в мире подчинения злу, приводит Ю.М. Лотмана к мысли о том, что «если материальная природа «я» вводит этот образ в мир Творца, то и отказ – самоуничтожение – приобретает характер не только богоборчества, но и богоубийства. Именно это делает анализируемый текст одним из самых резких осуждений бога человеком в русской поэзии и придает особую семантическую весомость заключительному стиху: «Ответ один – отказ» [5, с. 217].

Оба исследователя отмечают в этом стихотворении реминисценцию из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Это мотив возвращения билета. Иван говорит Алеше: «...Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотмщенными. Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и неправ. Да и слишком дорого оценил гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно заранее.

Это и делаю. Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю» [2, т. 11, с. 289].

«Перекличка» Цветаевой с Достоевским подтверждается еще одним мотивом. В стихотворении «Горы – турам поприще!», входящем в цикл «Стихи к Чехии», доминантным является лексико-синтаксический повтор «Родина сына моего». Эта строка, занимающая сильную позицию, отсылает нас к мотиву «первенства рода» в романе «Братья Карамазовы». В стихотворении эта тема постулируется, как и в романе, поскольку в романе Алеша, Иван и Грушенька убеждены в невиновности Мити, и они правы. Остальные держат его за отцеубийцу. Истина для Достоевского на стороне семьи. С ошибающимся народным хором конкурирует в «Братьях Карамазовых» род – первобытный, ведающий истину. Эта параллель очевидна. Главная мысль в стихотворении Цветаевой состоит в том, что Чехия права, потому что это – ее земля, это – родина, а Германия на этой земле – чужая, безродная: «Все было – безродного / Лишь ни одного / Не было на родине / Сына моего...» [10, с. 639].

Но главное, что роднит «Стихи к Чехии» и «Братьев Карамазовых», – это общность художественных приемов (параллелизм и повтор). В цикле М. Цветаевой лексические повторы и параллели представлены очень широко. Они обнажают двойную идеологическую направленность: обличение германии и предупреждение о грядущем возмездии.

У Достоевского все герои являются своеобразным отражением Зосимы. Так, например, Митя бьет слугу, Григория, пестиком по голове, повторяя избиение слуги, которое послужило Зосиме началом его нравственного перерождения. С Иваном беседует Смердяков, так же как с Зосимой его тайный посетитель – убийца. Алеша становится вторым, духовным, отцом, опекая детей Скотопригоньевска. После смерти Зосима смердит, вступая (пусть только и этимологически) в соответствие со Смердяковым. Федор Павлович, чья вероятная, но точно не установленная связь с Лизаветой Смердящей намекает на непорочное зачатие, окарικатуривает духовное отцовство Зосимы. Федора Павловича убивают, а Зосиму спасает от насильственной смерти его богоугодность. Коля Красоткин находится сначала под влиянием нигилистической пропаганды, аналогично брату Зосимы, но, как и Маркел, впоследствии преодолевает вольнодумство. Тот, кто ближе всех к Богу (а это Зосима и его брат), задает остальным их качества. В сущности, как отмечает И. П. Смирнов, «у персонажей Достоевского нет возможности выйти из мифоритуального изоморфизма с Зосимой (или его alter ego)» [8, с. 169].

Этот же художественный прием обнаруживается в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». В романе есть прямые реминисценции из стихотворения Цветаевой «О слезы на глазах!» Одна из героинь, Амалия Карловна, мать Лары, пыталась покончить с жизнью в номерах «Черногории». В контексте, в котором речь идет о добровольном отказе от жизни,

название номеров имеет не топонимический смысл, но, скорее всего, намекает на цветаевские «Стихи к Чехии»: «О черная гора, / Затмившая – весь свет! / Пора – пора – пора / Творцу вернуть билет» [10, с. 653].

Эту параллель отмечает И. П. Смирнов. К его наблюдениям можно добавить еще одно соответствие. Один из героев романа носит имя Клинцов-Погоревших, что в номинативном плане пересекается с названием стихотворения «Пепелище». Кроме того, Клинцов-Погоревших был глухонемой, и это указывает на второе стихотворение из цикла Цветаевой «Поэт», которое построено на обыгрывании исконных индоевропейских идей, связанных со смертью. Идея смерти-исчезновения может мотивироваться как материальный распад или исчезновение голоса-слуха. Поэтому она содержится в семантике слов *по́лый* – «пустой» (старославянское *троупль* – «пустой» при *троупъ* – «тело покойника»), *навоз* – результат материального распада и *немотствующий* – немота (см.: [9, с. 48–53]). Все они входят в область поэта.

Есть в мире лишние, добавочные,
 Не вписанные в окоем.
 (Не числящиеся в ваших справочниках,
 Им свалочная яма – дом.)
 Есть в мире полые, затолканные,
 Немотствующие: – навоз... [10, с. 309–310].

Перекличка Цветаевой и Пастернака очевидна. Это подтверждается еще и параллельным употреблением местоименных слов – *всем, весь* в первом стихотворении из цикла «Стихи к Чехии» и в стихотворении Пастернака «Рождественская звезда».

М. Цветаева: «Триста лет неволи, / Двадцать лет свободы – / Всем. Огня и дома – / Всем. Игры, науки – / Всем. Труда – любому – / Лишь бы были руки» [Там же, с. 636].

Б. Пастернак: «И странным видением грядущей поры / Вставало вдали все пришедшее после. / Все мысли веков, все мечты, все миры, / Все будущее галерей и музеев, / Все шалости фей, все дела чародеев, / Все елки на свете, все сны детворы» [6, с. 426].

Таким образом, очевиден интертекстуальный ряд: «Братья Карамазовы» – «Стихи к Чехии» – «Доктор Живаго». Подробно параллели «Братья Карамазовы» – «Доктор Живаго» рассмотрены в книге И. П. Смирнова: «Роман Пастернака находится в той традиции большого христианского повествования, которую основал Достоевский в «Братьях Карамазовых», хотя и развивает ее по-своему. Эта традиция видна уже в названии пастернаковского романа. Живаго – не только цитата из Священного писания (которая, кстати сказать, приводится в «Братьях Карамазовых»), но и перевод на русский язык греческого имени Зосима (= «живой»)» [8, с. 154].

Как известно, постструктуралистский дискурс отказал «Братьям Карамазовым» в статусе романа и в статусе литературного дискурса. Не

углубляясь в полемику, сошлемся на авторитет И.П. Смирнова. Нам же важно отметить следующую особенность «Братьев Карамазовых». По сути, роман этот – предисловный рассказ к написанию другого романа об Алеше (об этом говорит хроникер: «...но беда в том, что жизнеописание-то у меня одно, а романов два. Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время...» [2, т. 11, с. 5–6]). Точно так же и роман «Доктор Живаго», который тоже не является, собственно, литературным дискурсом, а есть предисловный рассказ к написанным стихотворениям Юрия Живаго. В этой связи цветаевское стихотворение «О слезы на глазах!», находясь между романами, обрастает дополнительными смыслами. Рискнем предположить, что отказ от бога – богоубийство, сравнимое с отцеубийством в «Братьях Карамазовых», – означает у поэта отказ от творчества. «Отказываюсь быть» – означает отказываюсь быть поэтом, потому что истинное бытие – бытие поэта. Отметим и еще один усиливающий отказ быть поэтом отсыл уже к Пушкину, олицетворяющему поэзию, символу поэзии: «Не надо мне ни дыр / Ушных, ни вещей глаз. / На твой безумный мир / Ответ один – отказ» [10, с. 653].

А. С. Пушкин. «Пророк»: «Перстами легкими как сон / Моих зениц коснулся он: / Отверзлись вещие зеницы, / Как у испуганной орлицы. / Моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон...» [7, т. 2, с. 338].

Отсутствие зрения и слуха означает смерть (см.: [9, с. 48–53]), и не просто смерть, а смерть поэзии. То есть цветаевское стихотворение «О слезы на глазах!» тоже можно прочесть как предисловный рассказ, только не к литературному произведению, а к поступку, которым завершается ее жизнь.

Подобные интертекстуальные параллели на лексико-семантическом уровне и в области художественных приемов позволяют представить русскую литературу как единый текст, где отдельные произведения – реплики в общем диалоге. Тем более, что они подтверждаются биографическим (жизненным = живым) контекстом. У Цветаевой и Пастернака был заочный роман, в письмах, в стихах (см.: [11, с. 359–373]). И в самом пронзительном стихотворении, адресованном Пастернаку, прием расчленения слова с помощью тире («Рас – стояния, версты, мили...» [10, с. 369]), конечно, связан с тем же выделением приставки *-рас* в «Поэме конца», начатой в Праге: «Сверхбессмысленнейшее слово: / Рас-стаемся. – Одна из ста? / Просто слово в четыре слога, / За которыми пустота» [Там же, с. 418]. И снова *пустота* как знак смерти.

И орел в стихотворении Пастернака («Расселили нас, как орлов – заговорщиков» [Там же, с. 370], опять *-рас*) сопоставим с мандельштамовским: «На страшный полет крещу Вас: / Лети, молодой орел» [Там же, с. 67]!

А это сбудется. И «орлиные» крылья в «Стихах к Блоку» (второй символ русской поэзии после Пушкина) окажутся «поломаны» [Там же,

с. 101] в стихотворении «Думали – человек! И умереть заставили» [Там же]. Написано в 1916 году. Блок будет жить еще четыре года, но писать...

Все это можно считать пророчеством или кликушеством, которого она сама боялась. Ведь подарила в Москве цикл самому Блоку, но без этого, шестого стихотворения. Удивительным образом иногда литература становится жизнью, а жизнь – литературой. И то, и другое может оказаться незавершенным, как недописанный роман Достоевского («Житие великого грешника») или непрожитые годы Цветаевой.

Список литературы

1. Бродский И. А. Поэт и проза // Набережная неисцелимых: тринадцать эссе. Москва: Слово, 1992. 256 с.
2. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12 т. Москва: Правда, 1982. Т. 11. 624 с.
3. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1989. 264 с.
4. Кудрова И. В. Листья и корни // Звезда. 1976. № 4. 210 с.
5. Логман Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.
6. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1988. 511 с.
7. Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 10 томах. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 2. 463 с.
8. Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
9. Топоров В. Н. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). Москва: Наука, 1990. 256 с.
10. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 688 с.
11. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. Москва: СП Интерпринт, 1992. 544 с.

“PREFACE STORY” BY M. TSVETAEVA: “POEMS TO THE CZECH REPUBLIC” IN THE CONTEXT OF DIALOGUE BETWEEN F.M. DOSTOEVSKY AND B. PASTERNAK

A.A. Dudareva, V.N. Erokhin

Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of lexical, semantic and figurative parallels, as well as repetitions of artistic techniques in “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky, “Poems to the Czech Republic” by M. I. Tsvetaeva and

“Doctor Zhivago” by B. L. Pasternak. The view of literature as a kind of single text, in which works are connected as remarks in a dialogue, allows you to formally and clearly distinguish the connecting elements at different levels of the organization of texts and trace their diachronic transformations. This article is a local example of the comprehension and development of the ideas of god-fighting and death in the work of these three authors and in Russian literature as a whole.

Keywords: *Russian language and literature, lexicology, semasiology, etymology, poetics.*

Об авторах:

ДУДАРЕВА Алла Адамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: alladamova@mail.ru.

ЕРОХИН Вячеслав Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: erovyach@mail.ru.

About the authors:

DUDAREVA Alla Adamovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: alladamova@mail.ru.

EROKHIN Vyacheslav Nicolaevich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: erovyach@mail.ru.